

Как бы это сказать... этот мальчик выглядел донельзя жалко. Казалось бы, обычное выражение лица, но почему-то не возникало ощущения, что он заодно с этой бандой громил. Наоборот, он выглядел как жертва, которую эти люди притесняют, хотя на его лице не было ни тени страха.

Ничего не попишешь, уж слишком этот человек был по-детски миловидным.

Однако, стоило Фан Цзиню присмотреться, как в глазах у мальчишки заблестели слезы. Вылитый хомячок, которого только что обидели.

Такое зрелище почти тронуло Фан Цзиня. Неужели вы думаете, что он поддался на эту уловку? Разве можно верить в невинность ребенка, который, будучи сыном главаря преступной группировки, впервые взял в руки оружие в четыре года?

Мальчик, казалось, не собирался прекращать плакать и наконец, всхлипывая, выдавил из себя:

— Н-но, я, я, я ведь не плохой ребенок, у-у-у...

Громилы тут же забыли о главной героине и принялись с тревогой утешать мальчишку, суется вокруг него, словно заботливые няньки.

Фан Цзинь уже было решил, что сейчас ребенок сам отпустит девушку, но не тут-то было. Мальчишка вдруг вытер слезы, посмотрел на него с предельной серьезностью и произнес слова, от которых у Фан Цзиня опустились руки:

— Х-хотя я и не хочу идти против тебя, н-но я не могу позволить тебе просто так забрать её. Это... это правила.

Этот ребенок определенно не так прост. По крайней мере, Фан Цзинь ни словом не обмолвился, что пришел спасать девушку. Ах, этот звериный инстинкт!

Раз уж его раскрыли, Фан Цзинь не стал тратить слова попусту:

— Что мне нужно сделать?

Услышав этот вопрос, мальчик вдруг улыбнулся донельзя странно. Выслушав его предложение, Фан Цзинь на мгновение застыл с каменным лицом, а затем лишь обреченно вздохнул.

Он так и знал: без драки здесь не обойтись.

Как же это утомительно.

Три минуты спустя Фан Цзинь с холодным видом пнул тело поверженного громилы и произнес:

— Теперь я могу её забрать?

— Конечно! — мальчик улыбнулся на удивление ярко, но Фан Цзинь про себя решил, что в будущем будет обходить этого человека за версту.

\*\*\*

Оказавшись на свободе, Фан Цзинь поспешно стряхнул с себя навязчивую героиню, сложил новую одежду в припрятанный заранее пакет и неспешно направился обратно.

Он чувствовал себя невероятно вымотанным. Фан Цзинь решил, что без крайней необходимости больше не встретится ни с этой героиней, ни с Лян Чжуаном. Столь резкая перемена в глазах девушки вызывала у него сильное внутреннее напряжение — эта героиня явно была не в себе, а взгляд Лян Чжуана и вовсе заставлял кровь стыть в жилах.

Словно он был добычей, которую тот в любой момент готов был растерзать.

Если бы не Сяо Чжа, Фан Цзинь вряд ли набрался бы храбрости бросить вызов такому человеку.

Сяо Чжа не причинит ему вреда, даже наоборот — он открыл для него несколько «золотых пальцев»: спецэффекты для пафоса, три минуты невероятной силы, три минуты мастерства в боевых искусствах, три минуты каменного лица... Но, столкнувшись с подобными людьми в реальности, Фан Цзинь поклялся, что больше никогда не допустит повторения этого опыта.

Он быстро покинул место происшествия. Нужно было вернуться и взяться за работу — и он ни за что не признается, что просто испугался.

В глубине души он буквально скребся по стенам...

Тем временем, в месте, о котором Фан Цзинь не догадывался, но подсознательно чувствовал, Лян Чжуан сидел на высоком кресле, с невинным видом озирая группу совсем не милых громил.

— Дяденьки, выручите, а? — донеслось от него.

Мужчины застыли. Точнее, они замерли в оцепенении, полном страха. Они знали: такой Лян Чжуан — это... ужасно.

С этого дня Фан Цзинь то и дело начал встречать знакомые... лица громил. И решил, что лучше всего — это выборочная амнезия и выборочная слепота.

В конце концов, Сяо Чжа сказал, что, судя по сюжету, в ближайшее время ему ничего не грозит.

Фан Цзинь рассудил: пусть Сяо Чжа иногда и тупит, но все его действия направлены на благо хозяина. А сегодня, вернувшись домой, он получит доступ к сюжету, и всё встанет на свои места.

Изначально Сяо Чжа обрисовал лишь общую ситуацию с главными героями и личность носителя, так что сейчас в голове у Фан Цзиня была полная тьма.

Он больше не хотел слоняться по улицам — нужно было поскорее закончить дела и вернуться домой, чтобы поглотить сюжет!

Казалось, Небесный Путь временно оставил попытки издеваться над Фан Цзинем, и тот благополучно добрался до дома.

Бай Цинь встретила его с той же теплотой, что и утром, но в её глазах отчетливо читалась тревога. Сын впервые вышел на работу, да и с самого утра вел себя странно — она не могла не волноваться.

Фан Цзинь не стал медлить. Сейчас он жаждал лишь одного — поскорее получить сюжет, чтобы со всем разобраться.

— Прости, мам, у меня дела, я в свою комнату! — бросил он на ходу.

Бай Цинь с беспокойством смотрела, как сын скрывается за дверью. В её глазах потух свет, она нервно теребила край фартука, не зная, что делать.

Она всё чаще терялась, не понимая, как вести себя с собственным сыном.

Раньше она лишь потакала ему, думая, что будет защищать его, кем бы он ни стал. Но сегодня утром, увидев сына, она почувствовала, как эта неизбежная установка мгновенно рухнула.

Она не могла объяснить, что произошло, но чувствовала именно это.

А может, ей показалось? Сегодня утром, когда перед ней возникло холодное лицо сына, в его глазах не было прежнего раздражения. Напротив, в этом холодном взгляде промелькнуло что-то едва уловимое, но несомненно существующее... беспокойство.

Неужели он переживал за неё?

Неужели правда?

Вдруг на губах стало влажно. Бай Цинь поспешно вытерла лицо и обнаружила, что уже плачет.

Как же она слаба.

Если так пойдет и дальше... как же она сможет защитить сына?

Сяо Чжа в голове у Фан Цзиня хранил необычное молчание. Он слышал мысли Бай Цинь, и эта глубокая любовь заставила его — обычную машину — ощутить странную боль. Он и сам не понимал, что происходит. Тихонько взглянув на всегда невозмутимого Фан Цзиня, он понял, что тот не догадывается о чувствах матери. Но ограничения Системы не позволяли ему просто так раскрывать чужие мысли — это могло повлиять на работу носителя, что было нежелательно.

Но справедливо ли это по отношению к Бай Цинь и Фан Цзиню?

Его «машинный мозг», который, казалось, не должен был уметь размышлять, вдруг начал работать. О чем вообще думает Небесный Путь?

Впрочем, вряд ли Небесный Путь об этом задумывается.

— Сяо Чжа, ты что, уснул? Я тебя уже несколько раз звал! — в голосе Фан Цзиня слышалось раздражение.

— Ой, да, здесь я! — поспешно отозвался тот.

— Давай лекарство.

Пусть Сяо Чжа и был ненадежным, а порой и бестолковым, сейчас у Фан Цзиня не было сил с этим разбираться.

— Да-да, сейчас, секунду! — засуетился Сяо Чжа, прогоняя прочь лишние мысли.

Через секунду в руке у Фан Цзиня оказался маленький флакончик с мутно-зеленой жидкостью. От одного вида становилось не по себе — это явно было не обычное лекарство, скорее уж яд.

Фан Цзинь скривился, стиснул зубы и залпом проглотил содержимое.

Прополоскав рот, он поморщился: ну и гадость!

При мысли о том, что в каждом мире ему придется пить эту дрянь, Фан Цзинь почувствовал, как жизнь теряет краски.

Не успел он оправиться от странного привкуса, как лекарство начало действовать.

Побочных эффектов не было — лишь голова мгновенно прояснилась, чувства обострились, а реакция, казалось, стала молниеносной.

Фан Цзинь вздохнул: ощущение, когда интеллект на высоте — это нечто.

Потряса головой, он снова обратился к Сяо Чжа:

— Сяо Чжа, нет ли у принятия сюжета каких-то побочных эффектов?

— Принятие сюжета — это, по сути, передача воспоминаний другого человека. Из-за того, что субъективное восприятие оригинала слишком сильно, оно может повлиять на эмоции носителя. Поэтому я и предложил лекарство — чтобы добавить рациональности. Объем информации велик, и хотя это не причинит мозгу серьезного вреда, для подстраховки я настоял на препарате.

Сяо Чжа говорил убедительно, и Фан Цзинь не нашелся, что ответить. Его странная Система то проявляла чудеса интеллекта, то откровенно тупила — он уже не знал, можно ли ей доверять.

— Ладно, понял.

Пусть его Система иногда и чудит, но она заботится о нем — этого достаточно.

Фан Цзинь лег на кровать, готовясь к приему сюжета.

— Сяо Чжа, начинай.

— Слушаюсь, носитель!

Как только голос стих, воспоминания оригинала обрушились на Фан Цзиня, словно разъяренный поток, готовый разнести его сознание в клочья.

К счастью, благодаря лекарству, Фан Цзинь справился без труда.

Когда он вернулся в реальность, его глаза были красными и опухшими.

Даже если Небесный Путь считал оригинала подонком, финал у этого подонка вышел трагичным. Это была трагедия человека, который, осознав свои ошибки, потерял всё.

\*\*\*

Чтобы получить сочувствие Небесного Пути и изменить свою судьбу, важнее всего глубокое раскаяние.

Поэтому те, кто заслуживает спасения — это люди, которые, будучи отвратительными, в то же время вызывают жалость.

Куда хуже те, кто совершает ошибки, но не кается, становясь «победителями по жизни».

Возможно, оригинал был бессилен, но Фан Цзинь, как носитель, имел куда больше возможностей всё исправить. В конце концов, люди разные.

Узнав сюжет до конца, Фан Цзинь прослезился — это были эмоции оригинала, печаль, дошедшая до предела.

«Клац!» — дверь внезапно открылась.

Бай Цинь, доведенная тревогой до предела, не выдержала и вошла. Но состояние сына повергло её в ещё большее смятение.

Пусть сын никогда не отличался скромностью, в её глазах он всегда держался высокомерно, с чувством собственного превосходства. И хотя другие это не одобряли, перед ней он никогда не показывал слабости.

Видеть, как он молча плачет... Бай Цинь почувствовала, как сердце разрывается на части. Она никогда не видела его таким уязвимым.

Резкий звук привлек внимание Фан Цзиня, и он посмотрел на мать.

Слезы еще не высохли, веки покраснели. С новой аккуратной стрижкой, придававшей ему слегка дерзкий вид, он выглядел по-особенному притягательно, но Бай Цинь видела лишь его боль.

Материнская тревога всегда реальна.

— Сынок, сынок, что случилось? Почему ты плачешь?

Бай Цинь заметалась, не зная, что делать. Она хотела вытереть ему слезы, но боялась, что сын оттолкнет её.

Фан Цзинь, глядя на суетящуюся мать, вспомнил сюжет и медленно произнес:

— Мам, давай завтра сходим в больницу.

Бай Цинь замерла. Неужели он болен? Или он узнал про неё...

Нет, нет, как он может знать? Она же выбросила результаты анализов! Значит, болен он? Насколько серьезно? Что делать, если он болен...

— Сынок, ты болен? Что болит? Если тебе плохо, давай прямо сейчас поедem в больницу!

Иногда приходится признать: Бай Цинь как мать была до боли смиренна.

Фан Цзинь крепко взял её за руки:

— Мам, я в порядке. Давай завтра.

— Нет-нет, что с тобой? Не бойся, скажи маме, я всё вылечу!

Фан Цзинь беззвучно вздохнул:

— Мам, я видел, как ты выходила из больницы несколько дней назад.

Лицо Бай Цинь стало мертвенно-бледным. Неужели...

— Мам, я всё знаю. Завтра идем в больницу. Не волнуйся, я всё устрою...

— Не говори, не надо... — Бай Цинь обняла его, рыдая — то ли от горя, то ли от облегчения. — Мама всё сделает, как ты скажешь. Завтра в больницу... я всё сделаю, как ты скажешь...

Эта несчастная женщина несколько дней назад узнала, что у неё рак груди. Стадия ранняя, шансы на исцеление были, но лечение стоило огромных денег. В прошлой жизни она скрыла диагноз от сына, чтобы не обременять его, и продолжала работать через силу, принимая обезболивающие, лишь бы накопить денег на операцию для искалеченной ноги сына.

Если есть предел несчастью, то есть и предел смирению.

В прошлой жизни оригинал видел, как мать выходит из больницы, но ни разу не поинтересовался её здоровьем. Лишь когда стало слишком поздно, он осознал свою глупость и невежество. Какая там «богиня», о которой он грезил? Только мать была достойна того, чтобы её беречь. Но почему, когда он понял это, судьба сразу отняла её у него?

Эмоции оригинала, полные раскаяния, ударили по Фан Цзиню. К счастью, лекарство помогло ему не потерять контроль, но он отчетливо осознал тяжесть своей ответственности.

Глядя на мать, он чувствовал одновременно и досаду на «непутевость» оригинала, и глубокую жалость.

Утешив мать, он отправился с ней на кухню — впервые они готовили вместе.

Бай Цинь была счастлива. Она чувствовала, как сын повзрослел, и это приносило ей глубокое утешение. Но почему-то, глядя на эту уютную сцену, она чувствовала в душе глубокую печаль, словно эта идиллия была куплена какой-то страшной ценой.

Да, оригинал заставил её страдать, но она любила его всей душой. Её материнская чуткость даровала ей проницательность.

Всё это действительно было куплено ценой — ценой оригинала. Что именно он отдал Небесному Пути, Фан Цзинь не знал, а Сяо Чжа не мог сказать.

Фан Цзинь мог лишь стараться выполнить задание и желание оригинала, чтобы успокоить души тех, кто остался.

Чтобы не вызывать подозрений, он лишь помогал матери, но даже этого было достаточно, чтобы она была поражена.

Ужин прошел спокойно, но Фан Цзинь впервые почувствовал, что взгляд Бай Цинь пугает.

Женская интуиция порой пугающе точна. Почувствовав опасность, он решил: если нет крайней

необходимости, во время миссий нужно свести к минимуму общение со знакомыми оригинала, особенно с женщинами.

Но с Бай Цинь избежать общения было нельзя.

Вернувшись в комнату, Фан Цзинь вздохнул и постучал себя по голове, вспоминая прошедший день.

Что и говорить, невежество — мать храбрости.

Поход к героине был опрометчивым шагом. По сути, она никак не пересекалась с его персонажем, и не было причин вступать с ней в контакт. Фан Цзинь действовал импульсивно.

А те двое... при мысли о них ему хотелось дать себе пощечину.

Ань Цзыцзэ — человек с аурой, от которой бросало в дрожь. Встреча с ним была подобна тому, как если бы за ним подглядывали — слово не самое удачное, но самое точное.

А Лян Чжуан? Его вообще не было в сюжете, но при встрече с ним Фан Цзинь ощутил глубинный страх.

Этот Лян Чжуан определенно был связан с оригиналом, но кроме сильных эмоций, Фан Цзинь ничего не получил. Никаких воспоминаний — вообще ничего.

Фан Цзинь понял, что его обманули.

— Сяо Чжа? — голос Фан Цзиня звучал угрожающе.

— Э-э...

— Насчет воспоминаний оригинала... ха-ха...

— Прости, носитель! Я забыл сказать, что воспоминания оригинала идут отдельно от сюжета. Сюжет ты получаешь бесплатно, а вот за воспоминания нужно платить Золотыми монетами. И вообще, обладать воспоминаниями — это хорошо... — с каждым словом голос Системы становился всё тише.

— Ха-ха. Сяо Чжа, ты можешь материализоваться? Обещаю, я не забуду тебя до смерти.

— Э-э... — «О, какой страшный носитель!»

\*\*\*

Грозно припугнув Сяо Чжа, Фан Цзинь наконец успокоился. Подводя итог: день выдался неудачным. Он нажил себе опасного врага и позволил системе развести себя на покупку бесполезного лекарства.

Сяо Чжа честно признался в своих махинациях.

Изначально он действительно хотел помогать Фан Цзиню, но на официальном форуме систем вычитал: если носитель тратит больше Золотых монет, Система получает процент, на который

можно купить экипировку, чтобы выглядеть стильно и сексуально.

Сяо Чжа не устоял перед соблазном. Поэтому он не дал сюжет целиком, подтолкнул носителя к опасным людям, надеясь, что тот использует свою внешность, чтобы манипулировать ими, и заодно решил продать воспоминания оригинала за монеты.

Выслушав чистосердечное признание, Фан Цзинь лишь повторил:

— Ха-ха. Сяо Чжа, ты можешь материализоваться? Обещаю, я не забуду тебя до смерти.

Сяо Чжа: «...Кто-нибудь, верните мне моего милого носителя, я обещаю больше не хитрить!»

<http://bllate.org/book/22173/2309932>